

ДНЕВНИКИ ЮНГИ

В Аничковом дворце, известном как Городской Дворец Детско-Юношеского Творчества Санкт-Петербурга, есть замечательное место – Морской клуб «Юнга». Ему уже более 50-ти лет. Я занимаюсь в нём третий год.

Раньше у клуба был свой небольшой парусник «Юный Балтиец», и со второго года обучения все юнги проходили на нём настоящую морскую практику. Однако в прошлом году наш парусник передали Морскому Техническому Колледжу.

Эта новость меня очень огорчила, ведь я так мечтала пройтись по Балтике под парусами!

Я никак не могла смириться с тем, что в ближайшее время мне не удастся ощутить вкуса морской жизни и реальной тяжести таких лёгких на вид парусов. Поэтому, когда нас пригласили на встречу возвращающегося в Санкт-Петербург знаменитого трёхмачтового парусника «Мир», на котором проходят практику курсанты Морской академии имени адмирала Макарова, я пошла, чтобы хоть с берега посмотреть на этих счастливых.

Мероприятие было захватывающим. Но самым грандиозным стало неофициальное сообщение о том, то ректор этого учебного заведения поговаривает о том, что и нам, юнгам, возможно будет разрешено присоединиться к следующему рейсу. Это известие обнадёжило меня. Я постоянно думала, как мне всё-таки хочется испытать себя в роли моряка.

Через два месяца к нам в клуб пришло приглашение на экскурсию по паруснику. Мои ожидания оправдались в полной мере! И здесь же нам сообщили, что следующим летом нас действительно пригласят на «Мир» в качестве практикантов. Но не всех, а только лучших из лучших. Лучших из лучших! Я точно решила, что буду в их числе. Через полгода после жёсткого отбора и суровой медкомиссии из всех желающих осталось лишь шесть человек: двое мальчишек и четыре девочки.

Наша 17-тидневная морская практика началась в порту финского города Котко. Когда мы отходили от берега, особой радости, почему-то, никто не испытывал. Её перекрывало чувство волнения перед неизвестностью и невесёлые предчувствия. Команда курсантов, идущих на «Мире» уже несколько месяцев, отнеслась к нам сначала не слишком дружелюбно, на корабле мы ничего не знали, и вся атмосфера корабельной жизни оказалась для нас совершенно неизвестным миром.

Но уже через пару дней мы начали привыкать к новому режиму дня и ночи в зависимости от назначенного времени несения вахт, к звуку громкой связи, объявляющей каждое утро: «Судовое время 7:00, экипажу объявляется подъём», к своей форменной тёмно-синей робе, к рынде, в которую каждые полчаса отбивают склянки.

Помню наш первый аврал. «Парусный аврал! Парусный аврал! Всем по местам стоять. Травим гордения, тянем шкоты!» - прозвучало по громкой связи, когда мы беззаботно сидели у борта и разглядывали проходящие мимо нас катера. Мы, если честно, слегка испугались, совершенно не зная, что делать. Вокруг засновали курсанты, закричали боцманы, матросы стали ловко подниматься на мачты... и вдруг над нашими головами медленно начали расправляться белые полотна парусов.

Фор-стен-стаксель, гитовы, брам-стенга, контр-бизань, брам-крюй-брасы... Сначала кажется, что понять значение этих слов совершенно невозможно! К концу путешествия мы выучили около трёхсот терминов и названий корабельного оснащения, начиная от названия каждой мачты, двадцати семи парусов и более десяти тросов, относящихся к каждому парусу, и заканчивая устройством дизеля и приборами навигации на капитанском мостике.

Наше путешествие было приурочено к празднованию трёхсотлетия со дня первой морской победы русского флота в 1714 году. Тогда победа русского галерного флота над шведской военной флотилией при мысе Гангут (ныне полуостров Ханко) стала решающей в победе Российской Империи в Северной войне.

В августе 2014 года на месте тех боевых событий прошла реконструкция Гангутской баталии. В ней приняли участие шведские и русские парусные корабли и военнослужащие из Финляндии. Стояла сорокоградусная жара. Наш экипаж расположился на берегу. Вдруг раздались пушечные залпы, до нас донеслись крики: «На abordаж!», и на главном шведском корабле поднялся российский «триколор». Это означало разгром шведской флотилии Великим Императором Петром I.

В следующем порту прошла церемония возложения венков к мемориалу погибших русских, шведских и финских солдат и матросов за время Северной войны.

Жизнь на паруснике не лёгкая. Часто бывают ночные авралы, когда выбегаешь на палубу, ещё не успев проснуться, и начинаешь вместе со всеми тянуть верёвки, бегать туда-сюда...

Ничто не сравнится с тем, когда ты поднимаешься по вантам! Всё выше, выше, выше... Потом смотришь вниз и видишь, что с высоты пятидесяти метров все матросы кажутся маленькими насекомыми, да и сам корабль похож на спичечный коробок.

Надолго запомнились дежурства на камбузе. Однажды мне пришлось почистить десять килограммов чеснока и столько же моркови.

Во время жары и штиля мы прятались в тени парусов и мастерили поделки. Кто-то писал стихи, играл на гитаре. Курсанты занимались и выполняли задания. Я делала коврики из верёвок, училась вязать морские узлы. В этом мне помогал курсант Халев. Он стал наставником для всех юнг, проходивших практику.

Очень часто нас забирал к себе в парусную главный боцман Дядя Коля. Там мы учились шить паруса, вязать узлы, разбираться в такелаже. Под руководством дяди Коли мы познавали уже не просто азы, а самую суть морского дела: устройство судна, двигателя и морской жизни в целом.

Уже по пути домой мы узнали, что «Мир» везёт на берега Невы икону Святого равноапостольного князя Владимира. Она была написана специально для храма Святого Пантелеймона в Петербурге и освящена в Ватопедском монастыре на Святой горе Афон. Эту икону парусник принял на борт в в греческих Салониках.

На церемонии встречи Мира в порту капитан судна поделился со всеми присутствующими, что по его убеждению паруснику удалось невредимо пройти сквозь свирепствовавшие в южных широтах страшные штормы только благодаря присутствию на борту святыни.

На пирсе был отслужен торжественный молебен. После крестного хода икону водрузили на алтарь церкви Святого Пантелеймона.

Путешествовала на паруснике, записала и оформила рассказ Аня Капля, 15 лет

